

когда
на
не
было

marsu

18+

Кучерова Мария

Когда нас не было

<https://litres.ru/74632783>

SelfPub; 2026

Аннотация

В записке, которую мать сунула Вите вместе с сумкой, было три строки: имя, дата рождения и просьба вывести вшей. Ему было восемь, когда его мать исчезла навсегда.

Девять лет Витя Кравцов прячет своё прошлое от детей чиновников и миллиардеров, клеит из картона дома и самолёты и выбирается в лес через тайную дыру в заборе. Три года работает на корпорацию ЗНАК. У него раздробленное колено, выученный наизусть корпоративный девиз и спокойная уверенность, что его уберут, как только он станет не нужен.

Нужен он оказывается скоро. Задание простое: следить за одноклассниками. Искать среди них «бесценный образец».

А по лесу за школой уже идут звери без глаз, и каждый ищет свою жертву.

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	30
Глава 4	41
Глава 5	55
Глава 6	68
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Кучерова Мария

Когда нас не было

Когда
нас
не было

Оглавление

ПРОЛОГ

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 23

Глава 24

Выпускной

Эпилог

ПРОЛОГ

Сгущающиеся над окутанным дремой лесом тяжелые облака предупреждали об опасности. Ветер трепал макушки и ветви деревьев. Свет уже давно был везде погашен. Лишь на террасе горел тусклый огонек, а под ним виднелись две темные фигуры. И никому не было известно, кто в такой поздний час, пока вся школа спит, ведет такие задушевные беседы.

– По-твоему, что такое «доверие»? – тихий шепот был еле слышен за стрекотом сверчков.

– Вера в человека, – отозвалось более уверенно.

– Вера – неподходящее слово. Как насчет веры в Бога? Отношения человека и Бога не строятся на доверии, – голос прозвучал громче, желая оспорить услышанное.

– Бог тут ни при чем. Речь заходит о доверии только тогда, когда появляется человек. Доверие – это вера в личность: в его чувства, искренность эмоций, правдивость слов, чистоту помыслов, доброту поступков и даже в способность ошибаться. Люди слишком непредсказуемы, и именно доверие становится той хрупкой нитью, связывающей души и позволяющей чувствовать себя в безопасности рядом с человеком.

– Я верю в тебя, – шепот слился с гулом ветра, унесшим слова с собой за высокий забор, через лес, в недостигаемые места.

Каждый молча ждал ответа. Если бы только голос звучал громче, а ветер бы не был так одинок и не крал чужие разговоры, две фигуры так бы и стояли под желтым фонарем на террасе и наконец осознали, насколько сильно они доверяют друг другу.

Но время неумолимо. И совсем скоро они навсегда отказались от таких слов, как «доверие» и «вера».

Глава 1

Школа-пансион «Гилмор» стоит на окраине леса. К ней проложена лишь одна дорога из города, а все тропинки в лесу петляют и ведут в никуда, резко обрываясь на полпути и снова появляясь. Среди детей ходят легенды, которые рассказывают о загадках этого большого неисследованного пространства, не заканчивающегося и неограниченного.

Вокруг пансиона возведен высокий кирпичный забор, не позволяющий воспитанникам покинуть территорию «Гилмора». Вход туда есть только через большие железные ворота. Однако, если повернуть направо от ворот и пройти немного дальше, можно наткнуться на старый деревянный сарай, забитый гнилыми досками, ржавыми трубами и метлами с лопатами. За сараем растет большой куст малины, который перестал плодоносить уже очень давно. Так что это место ни у кого не вызывает интерес. Даже тропинка, ведущая к сараю, каждое лето зарастает высокой травой. Зимой здесь образуются большие сугробы.

Но если взять дощечку или палку, отодвинуть ей колючие ветки малины и пролезть под куст, можно увидеть небольшую дыру в заборе. Как будто у кого-то не было возможности пройти на территорию пансиона через ворота, и этот кто-то сделал себе отдельный проход. Но вдруг его рассекретили. Поэтому дыра осталась такой маленькой. Она не больше

метра в ширину и длину, и разве что туда способен пролезть лишь ребенок.

Витя был уверен, что об этом месте никому неизвестно. И он хотел, чтобы оно оставалось тайным и уединенным как можно дольше.

Летние каникулы закончились. Воспитанники постепенно возвращались из своих двух- и трехэтажных домов с красивыми террасами и цветущими садами.

В ворота школы въезжали машины одна за другой. Из больших багажников джипов мужчины в классических костюмах доставали увесистые чемоданы и, обмениваясь со своими драгоценными детьми кроткими объятиями или рукопожатиями, спешили уехать отсюда. Отовсюду доносились крики, девчачий писк, громкие разговоры, даже рыдания. Витя чувствовал себя здесь лишним.

Он протиснулся между толпой взрослых и выставкой чемоданов с сумками, задел кого-то плечом, чуть не споткнулся о чью-то маленькую собачонку на поводке и, наконец, вырвался из кишашего муравейника на крыльцо школы.

Витя потянул на себя тяжелую массивную дверь за позолоченную ручку, когда внезапно сзади его схватили за плечо. Дверь с оглушительным грохотом захлопнулась обратно. Кравцов подскочил на месте и резко обернулся на этого любителя пугать людей.

– Ты знаешь, что я ненавижу, когда ты так делаешь! – вскрикнул Витя, недовольным, но заинтересованным взгля-

дом изучая невысокого паренька с пышной копной русых волос на голове.

Они не виделись всего три месяца, а Кир успел сильно измениться: челка отросла и лезла в глаза; привычных круглых очков на нем не наблюдалось, и Маевский больше не был похож на ботаника; а на брови красовался пирсинг. Кравцов задумался о том, что его заставят снять кольцо в первый же день, но Кир, заметив любопытный взгляд друга, ловко спрятал прокол за челкой. Он звонко рассмеялся и скинул с одного плеча большой увесистый рюкзак, наверняка заполненный до краев всевозможной запрещенкой: сладостями, газировкой, фастфудом и игральными картами с обнаженкой, которые парень обещал привезти Вите, выпросив их у отца. За три месяца Кравцов, конечно, не забыл про это.

– Не скучал что ли? Идем в комнату, подарки будем разбирать.

– Да ты на клоуна стал похож. К парикмахеру ходить не пробовал?

– Вот про Кристиана ты и слова не говоришь, хотя он в школьном театре может Рапунцель играть. А я – сразу клоун! – Кир шустро нырнул в школу следом за охранником, помогающем заносить вещи детей в школу, и свернул вправо, к комнатам старшеклассников.

В отличие от других комната Вити и Кира никогда не пустовала: Кравцов никуда не уезжал на каникулы, а Кир оставлял половину своих вещей тут, потому что был уверен, что

они – под чутким надзором Вити. Так парни жили уже десять лет, бок о бок. У Кравцова ни с кем не было такого доверия и взаимопонимания, а Кир всегда ставил Витю выше остальных.

Только войдя в школу, Кравцов сразу потерял хрупкое спокойствие при виде бегущих детей и орущих на них учителей. Кир распахнул дверь в комнату и с порога швырнул тяжелый рюкзак на кровать, а после и сам упал на нее. Витя поспешил к другу, сел рядом с ним и заглянул в его рюкзак. Кир уже начал в нем что-то искать. Маевский достал колоду карт, связанную резинкой, и протянул ее Вите. Края карт были потрепаны, а рубашки в чем-то испачканы, но при виде женской груди на одной из карт, Кравцов сразу забыл про всякие недочеты.

– Реально у отца спер? – Воскликнул Витя и с энтузиазмом начал рассматривать все карты подряд.

– Не спер, он сам дал. Сказал, что я, как будущий художник, должен иметь представление о таких вещах. А потом мне целую лекцию зачитал о том, чтобы я использовал эти карты в благих намерениях, – Кир посмеялся, выхватывая у Вити карту с мужским накаченным торсом и поворачивая ее к парню, – Тут и мужчины есть.

Кравцов смутился и хмуро посмотрел на хохочущего друга, кладя карты на кровать. Витя отмахнулся от Маевского и снова заглянул в его рюкзак, в надежде найти в нем что-то более интересное и безобидное.

— Эй, я вообще-то ради тебя старался, — заметив, что внимание Вити переключилось с карт на рюкзак, Кир быстро закрыл его. — А остальное на вечер.

Кравцов закатил глаза и поднялся с кровати. Яркое солнце обожгло кожу и ослепило глаза, как только Витя подошел к окну. Но чувствовать это было по-особому приятно. Он прикрыл глаза и подставил лицо солнечным лучам.

Теплая погода должна продержаться до середины сентября, а затем наступит сезон дождей, который Витя так не любил. Так что он хотел сполна насладиться теплыми днями.

Хотя в школе на все лето оставались пару уборщиков и поваров, четверо детей из начальной школы и медсестра, Витя все равно проводил время в полном одиночестве. Ученики старшей и средней школы занимали все правое крыло, а младшеклассники обходились лишь первым и вторым этажами левого крыла. Общими являлись столовая и актовый зал.

У Вити были грандиозные планы на это лето: закончить сбор модели самолета, открыть учебники по физике и математике, чтобы наконец начать готовиться к экзаменам, дойти через лес до железной дороги, которую не было видно, но были отчетливо слышны гудки поездов каждые четыре часа. Витя даже хотел построить в лесу свой штаб. Для этого нужно было лучше покопаться в старом сарае.

Но просыпаясь каждое утро, Витя мог лишь дойти до ванной и столовой, а затем снова возвращался в кровать. Только

под вечер он вставал и неспеша продолжал склеивать детали самолета. Оставалось совсем немного, и Витя видел прогресс работы. Это хорошо его мотивировало.

И сейчас, стоя перед открытым окном под утренними лучами солнца, слушая назойливые голоса детей и их беззаботный смех, Витя понял, что лето упущено. Это было последнее беззаботное время. Кравцов больше всего не хотел, чтобы этот учебный год заканчивался. Ему было до жути страшно начинать самостоятельную жизнь.

В этой школе никто не мог понять, с чем предстоит столкнуться Вите. Эти нелюди, детишки богатеньких чиновников и предпринимателей, гарпии и сукины сыны, ничего не знают о жизни вне стен коттеджей, огороженных высокими заборами, за которыми один за другим погибают люди, оставшиеся без родных, без жилья, без всего... У этих людей за душой ничего нет, но зато есть сама душа. Вот только однажды Витя потерял и ее в постоянной борьбе за свое собственное достоинство.

Кравцов кинул задумчивый взгляд на стеллаж, на верхних полках которого стояли сделанные из картона и бумаги макеты пятиэтажного дома, машины «жигули», вагона поезда, а теперь еще и самолета. Последний еще не успел покрыться слоем пыли и даже блестел по сравнению с остальными бумажными изделиями. Бывало, Витя раздумывал о том, сможет ли он забрать с собой все свои вещи. Наверное, после выпуска макеты придется выкинуть или отдать детям, кото-

рые в итоге их сломают или выбросят за ненадобностью.

Ему в спину дышала самостоятельная взрослая жизнь, которая не сулила ничего хорошего. Хотя каждый месяц Витя получал определенную выплату от государства, у него было неприятное чувство, что от него просто откупались, совершенно не заботясь о том, что он будет делать дальше, после выпуска. Это были только его проблемы, в которые иногда влезал директор, но делал это лишь для галочки. Он предлагал Вите деньги, говорил, мол объявим на родительском собрании, что мальчику-сиротке нужна финансовая помощь. Кравцов ни за что не принял бы деньги от этих богачей, да и не они ему были нужны. Никто этого никак не мог понять.

Из собственных мыслей его вырвал Кир, который бился в попытках распутать провода наушников, и ругался себе под нос.

– Ты совсем здесь одичал? Расскажи хоть что-нибудь.

Эта просьба вызвала у Вити замешательство. Нога снова разболелась, и Витя тяжело опустился на кровать напротив Кира. Маевский тем временем уже чуть ли не грыз провода в надежде, что они распутаются сами. Витя нахмурил брови, снова посмотрел на самолет и цокнул языком.

– Что я тебе буду рассказывать? Я все лето просидел в этой чертовой комнате...И кстати, у нас завелась мышь.

Кир перестал мучить наушники и с недоумением посмотрел на недовольное лицо друга, ожидая услышать от него что-то еще.

– Ты серьезно? И это все?

Маевский страдальчески простонал и встал с кровати, начиная рыться в рюкзаке, а затем перешел на чемодан, безжалостно выкидывая из него на данный момент ненужные вещи. Вскоре на полу образовался бардак, что очень не понравилось Вите. Он привык к порядку, и даже если сам разбрасывал вещи, пока что-то мастерил, сразу после убирал все. Но тут его личное пространство так нахально нарушили! Кравцов не сдержался и вскочил с кровати, вспыхнув:

– Маевский, что ты творишь?! Я закрыл глаза на то, что ты не разулся у двери, но это уже слишком!

Витя схватил первую попавшуюся под руку вещь и швырнул ее в Кира, чувствуя, как жар прошелся по телу. Кир тихо усмехнулся и опустил голову вниз, кивая в знак принятия своей ошибки. Он поспешил вытащить из чемодана черный пакет, кинул его на кровать и принялся так же быстро запихивать вещи обратно в чемодан. Витя взял себя в руки и уселся обратно, кидая взгляд на окно, которое выходило на лес. Кир уже давно смирился с такими «взрывами» Вити и даже не пытался его успокоить, вместо этого его задачей было сделать так, чтобы друг самостоятельно смог усмирить себя и остыть.

Уже скоро на полу был полный порядок. Кир взял пакет, подошел к Вите и с нетерпением начал сунул его другу в руки. Витя не стал тянуть и ловко вытряс из пакета все содержимое на кровать.

– Я не просил тебя, – сдержанно сказал Витя.

Кир ожидал такую реакцию со стороны Кравцова и лишь закатил глаза, хлопая его по плечу.

– Я знаю. Смастери для меня что-нибудь. Не будешь же ты для этого тратить свою личную бумагу. Я бы очень хотел получить от тебя подарок перед выпуском, например, бумажный мольберт.

Маевский отшутился и быстро отошел на свою часть комнаты, принимаясь разбирать сумки и оставляя Витю наедине с этой «подачкой», которая, по словам Кира, ей не являлась.

На кровати лежала стопка качественной разноцветной бумаги и еще одна стопка обычной, а также коврик для резки, канцелярский нож и другая мелочь. Кравцову был неприятен такой жест Кира, и он бы сейчас же выкинул все эти вещи с окна, но его остановила просьба Маевского о подарке. Витя одновременно и злился, и уже подумывал о том, что же можно сделать из новой бумаги. Все-таки они были хорошими друзьями уже почти 10 лет, должна же у них остаться память друг о друге, прежде чем они расстанутся навсегда. Взяв в руки канцелярский нож, Кравцов выдвинул лезвие, и вдруг взгляд зацепился за необычную гравировку на пластиковой ручке «ЗНАК». Воспоминания нахлынули на Витю огромной волной, в которой он чуть не захлебнулся. Осознав, что не дышит, Кравцов пришел в себя и сделал глубокий вдох, поднимая суровый взгляд на Кира.

– Где ты взял этот нож?

Маевский запихнул в свою полку комок с футболками и обернулся на Витю, смахивая рукой челку со лба. Он подошел к парню и выхватил из его рук нож, с недопониманием разглядывая его и пожимая плечами.

– Отец отдал. А что, собственно, не так?

Витя в ответ лишь кивнул, решив, что это просто недоразумение или глупое совпадение, на которое не нужно обращать внимания, ведь в школе, итак, было предостаточно вещей с таким клеймо. Кравцов начал перетаскивать подаренные Киром вещи на свой стол, раскладывая их по ящикам и контейнерам. Следующие полчаса парни провели в тишине. Она снова застала Витю врасплох, погружая его в собственные мысли о будущем, пока вдруг из них его не выдернул телефонный звонок.

На экране высветился красивый номер, состоящий почти из одних двоек, подписанный как «Господин Шварц», и Витя замер, не решаясь взять трубку. Кравцов довольно долго стоял на ногах, пока убирался на столе и в стеллаже, и вдруг почувствовал ноющую боль, которая снова возвращала его в события прошлого и сейчас была так не кстати. Схватив телефон, Витя поспешил покинуть комнату, ведь прекрасно знал, что человек, набирающий его номер уже во второй раз, не любит лишние уши и по всей видимости уже начинает злиться.

Для частного разговора Витя выбрал кабинет физики.

Он находился на втором этаже в самом конце коридора, и до начала учебы вряд ли кто-то решил бы повторить там законы Ньютона, плакат с которыми висел за всю стену. Закрыв за собой дверь и отдышавшись, Витя поднял трубку и, сдерживая злость, проговорил сквозь зубы.

– Здравствуйте, господин Шварц.

Послышался тихий смех, а затем собеседник снова замолчал. Нить терпения натянулась, как струна, и звонко зазвенела. Наверное, мужчина просто подбирал слова, чтобы окончательно не свести с ума Кравцова, но он скорее свихнулся бы от гнетущей тишины. Наконец раздался низкий и строгий голос. У Вити пробежались мурашки по коже.

– Надеюсь, за лето ты хорошо отдохнул и теперь полон сил снова приступить к работе. Ты должен следить за всеми учениками одиннадцатого класса. Мне нужно знать о них все, что я не могу увидеть сам. Среди них есть один бесценный образец.

Витя неуверенно кивнул, будто мужчина мог его видеть, и еле выдавил из себя:

– Я все сделаю.

– Тогда вспомни, чему я тебя учил, дорогой мой.

Кравцов услышал в голосе мужчины нотку издевки и скривился, сжимая телефон в руке и от злости начиная тяжело дышать. Он уперся свободной рукой в ближайшую парту и медленно опустился на стул, чувствуя, что больше не может стоять.

– Мы – под вашей **защитой**. Мы – в **надежных** руках.
Ваша **автономность** – наша свобода. Ваше **качество** – наше будущее.

Глава 2

Три года назад...

Узкий воротник рубашки неприятно давил на горло, две верхние пуговицы на жилетке были оторваны, а в пиджаке было слишком жарко, но он хотя бы немного прикрывал неопрятный вид Вити. Он шел по длинному коридору, в котором горело лишь пару настенных ламп, а рядом с ним шагал высокий блондин. Волосы по плечи были аккуратно уложены, рубашка идеально отглажена, только жилетка была большеватая, но не портила общую картину прилежного ученика престижного пансиона «Гилмор». В темноте не было видно его лица, на котором краснел синяк, выделяя и делая более яркими зеленые глаза Яна.

Пройдя коридор, парни остановились перед широкой и длинной лестницей, которая вела в главный холл на первом этаже. Была глубокая ночь, и наверняка все уже спали, поэтому это было идеальное время для сокровенных бесед. Витя опустил на ступеньку и плечом прижался к периле, прикрывая глаза от усталости.

– Ты в курсе, что ты дерешься, как баба? – наконец раздался тихий голос Вити, и он повернул голову в сторону усевшегося рядом друга, который показательно закатил глаза.

– А ты мне синяк поставил прямо на лице! – Ян прикоснулся к скуле кончиками пальцев и поморщился, волнуясь

о своем внешнем виде, – Молись, чтобы он успел зажить до каникул. Отец обещал, что первого июня мы полетим в Грецию, и я не хочу весь отпуск объяснять ему, что мы с другом физикой занимались.

Кравцов выдержал на парне строгий и серьезный взгляд, а затем рассмеялся, вспоминая, как маятник прилетел Яну прямо в глаз во время выполнения лабораторной работы, которую им пришлось доделывать тайком после занятий.

– Не забывай про то, что ты должен мне пришить пуговицы. Маятник я запустил в тебя случайно, а жилетку ты мне порвал специально.

Витя закатил глаза, изображая недовольство, и поднялся на ноги, осматриваясь по сторонам и прислушиваясь, опасаясь, что их застукают неспящими после отбоя, так еще и в таком виде, как будто они упали с самосвала и тормозили головой.

– Пойдем спать, я больше не могу.

Ян не спешил вставать, он сжимал в руках ткань штанов и покусывал губу, что не осталось незамеченным Витей. Кравцов спустился на ступеньку ниже, чтобы видеть лицо друга, но тот специально отвернул голову в сторону, будто высматривал что-то в темном коридоре, ведущим в столовую.

– Вообще-то я не просто так тебя сюда позвал.

Ян медленно поднялся на ноги, становясь на полметра выше Вити, и опустил на него серьезный взгляд, который заставил Кравцова немного напрячься. Их дружба была наив-

ной и детской, но Вите это даже нравилось. С того момента, как он попал в пансион, он пытался забыть свое прошлое, чтобы никто из богатеньких детишек не узнал о нем правду. Раньше Витя считал, что так, как он, живут все: в тесной однушке с постоянно текущим на кухне краном, моргающей в коридоре лампочкой и холодными полами, застеленными дырявым линолеумом. Мама почти не разговаривала с Витей, но он часто слышал, как она общается с кем-то по телефону, просит деньги или жалуется на постоянные поломки. К ним пару раз в месяц, иногда реже, приходили мужчины, долго расхаживали по квартире с чемоданчиком в руках и рассуждали, что еще нужно починить. Витя понимал, что они просто вымогают деньги, придираясь к каждой шатающейся дверце и отклеенному куску обоев, но эти старички в синих комбинезонах даже нравились ему. Вите было интересно наблюдать за тем, как они роются в своих чемоданчиках и ищут нужные инструменты, ведь перед началом ремонта мастера разрешали Вите подержать эти инструменты в руках, а однажды ему даже позволили забить гвозди, когда мама попросила повесить полку. Однако после ухода этих мужчин мама всегда была недовольна, она садилась за кухонный стол и пересчитывала деньги, а затем убирала их в железную банку и ставила ее на самую верхнюю полку в кухонном шкафу. Однажды Витя услышал от мамы, что их квартира проклята. Может, так оно и правда было.

Кравцов всегда задавался вопросами, где же его отец и

кто он такой, ведь будь он с ними, маме не приходилось бы вечно тратить деньги на ремонт. Однако спросил у нее об этом лишь раз, когда в первом классе учительница захотела вызвать в школу его родителей, а Витя ответил, что отца у него нет. Учительница его пожалела, но потом вдруг начала расспрашивать, что произошло в их семье. Витя не находил ответа и плакал от безысходности.

Дома вместо ответа мама лишь отмахнулась и велела сыну идти умыться. Витя, конечно, послушался, а после застал маму плачущей в углу спальни и понял, что больше никогда не скажет ни слова про отца.

Ян ничего из этого не знал, и Витя не хотел, чтобы узнал, а он, в свою очередь, не интересовался жизнью Шварца. Для Кравцова это были идеальные отношения, которые ни к чему не обязывали и ничего не требовали. Однако сейчас Витя почувствовал попытку Яна нарушить их идиллию. Он навис над ним злобещей тенью, не давая ему ни шанса уйти от разговора.

Наконец Ян нарушил тишину, которую так упорно пытался сохранить Витя, и начал непринужденно говорить, будто это не он минуту назад смирял Витю строгим взглядом.

– Я тут недавно узнал о твоём положении... Ты знаешь, моя семья богатая, мы тебе можем помочь с чем угодно.

И тут мир Вити рухнул. Тот мир, который он выстраивал так долго, кирпичик за кирпичиком. Никто не знал о его жизни, директор пообещал хранить тайну, тогда откуда об

этом узнал Ян?!

– Заткнись.

Выдавил из себя Кравцов и сжал руки в кулаки, отворачиваясь от Яна. Он бы сейчас хотел убежать, спрятаться, провалиться под землю, но гордость не позволяла ему тронуться с места.

– Откуда ты узнал?

– Вить, это не главное... Я просто хочу предупредить тебя кое о чем, чтобы ты не наделал глупостей. Таких, как ты, сейчас ищут повсюду, и ты не должен доверять никому.

Ян стал говорить тише, положив руку на плечо Вити и приблизившись к нему. Кравцов скинул руку Шварца со своего плеча и кинул на него хмурый взгляд, спускаясь еще на одну ступеньку ниже.

– Я не должен доверять только тебе.

Отрезал Витя, цепляясь руками за перилу и не сводя взгляда с горящих в темноте глаз Яна.

– Ответ неверный... – Шварц глубоко вздохнул и взмахнул руками, снова двигаясь ближе к Вите, – Мы друзья и поэтому я не хочу от тебя ничего скрывать. Так что прошу, выслушай меня.

Кравцов притих и лишь кивнул вместо ответа, подготавливая себя к худшему исходу речи Яна.

– Наверняка ты видел, что у некоторых вещей в этой школе стоит маркировка «ЗНАК». В этой компании, точнее скажу, в банде работает моя семья... и не только моя. У них мно-

го заводов и фабрик, а главное... лаборатория. Знаешь, этот город постепенно пустеет, а заводов становится только больше, люди стараются как можно скорее уехать, остаются только старики, инвалиды и малоимущие. Но они как раз и не нужны ЗНАКу! Понимаешь, к чему я клоню?

Витя напрягся, видя, как изменился Ян в лице.

— К чему?

— Биологическое оружие... «ЗНАК» хочет поскорее освободить город от ненужных людей, понимаешь?

Кравцов мотнул головой, смотря в глаза Яна и пытаясь разыскать в них ответ.

— Ян, я ничего не понимаю. Какое оружие, какие заводы... Что ты несешь?!

Шварц раздраженно шикнул, кладя руку на плечо другу и наклоняясь к нему.

— А то, что люди из «ЗНАК» повсюду. И не стоит доверять все свои секреты какому-то там физику!

Витя вспомнил, как несколько дней назад он, заговорившись с новым учителем физики, начал рассказывать ему о том, как в детстве он мог часами сидеть на улице перед домом и наблюдать за падением листьев, снежинок и капель дождя или в резиновых сапогах мерить лужи... Максим Юрьевич, физик, будто ненароком спросил о родителях, а Витя без задней мысли сказал и про отсутствие отца, и про бедную мать, и даже упомянул то, как мама привела его сюда, в пансион и оставила одного под огромным дубом, пока

его не обнаружил дворник. У них часто были такие посиделки на переменах с разговорами по душам, поэтому Витя не придал этому значения. Кравцов быстро забыл об этом разговоре, но сейчас, вспоминая его, Витя не понимает, как он мог себе позволить так сильно обнажиться. После небольшого шока Кравцов собрался с мыслями и кивнул, самому себе разрешая озвучить свое решение.

– Какая-то чертовщина... Я иду к директору.

Витя хотел уже было пойти в крыло учителей, как вдруг Ян сильнее сжал его плечо, останавливая и не давая пройти.

– Я доверил тебе тайну. Семейный секрет... И прошу тебя его сохранить. Это для твоей же безопасности.

Витя вскинул брови, удивленно смотря на «друга» и дергая плечом, чтобы тот убрал руку. Кравцов ожидал услышать все, кроме этого. Ян говорил так, будто какое-то там биологическое оружие существует в каком-то абстрактном мире, а люди, оставшиеся в городе, не люди вовсе.

– Нихера себе секрет! Ты хочешь подождать, пока этот твой «ЗНАК» нас всех перебьет?!

Витя заметил, как Ян растерялся и впился в него ногтями, но у Кравцова не было к нему ни капли жалости и понимания. Богатенькие люди снова принялись вершить судьбы людей! А Ян это еще и поддерживает. Нет, Витя не примет никаких оправданий.

– Успокойся! С нами все будет хорошо, они не тронут школу!

Кравцов хмыкнул, смотря в глаза Яна и наконец скидывая его руку со своего плеча. Выдержав на парне презрительный взгляд, Витя обошел его и направился в сторону учительских комнат.

– Успокоюсь, когда об этой херне узнают все, а не только я...по секрету.

Дальше Витя помнит лишь то, как его схватили за запястье и потянули назад, помнит ноющую боль в плече, а затем удар головой об пол и отчаянные попытки встать. Все произошло настолько быстро, что Витя даже не понимает, как он перелетел через всю лестницу, как сломал ногу, как потерял друга...

Кравцов очнулся в большой светлой палате, где стояли еще три кровати, но они были пустые. Было очень душно и хотелось пить, болела голова. Услышав голоса за дверью, Витя прислушался и понял, что говорят о нем, но слышал разговор лишь обрывками.

– Кость может срастись неправильно...Скоро должен прийти в себя...месяц-два...Да, можете войти.

Витя решил, что к нему приехал директор или Максим Юрьевич, но в палату зашел совершенно незнакомый ему человек. Он был крупного телосложения, с татуировкой в виде какого-то незамысловатого узора на плече и с суровым взглядом. Кравцов почувствовал себя загнанным в угол зверьком, которого вот-вот должны загрызть, он поспешил сесть и натянул одеяло по пояс, чтобы закрыть гипс и голые

ноги.

Мужчина осматривал Витю изучающим взглядом и молчал, из-за чего тот начал паниковать и еле выдавил из себя.

– Здравствуйте...

Незнакомец усмехнулся и сел на соседнюю кровать, устремляя взгляд прямо в глаза паренька, будто хотел, чтобы он умер от испуга. Спустя еще минуту тишины мужчина выдохнул, готовясь к серьезному разговору.

– Насколько я помню, тебя зовут Виктор... Так вот, Витенька, в школу ты больше не вернешься, раз не умеешь держать язык за зубами.

Витя впал в ступор и какое-то время еще пытался понять, о чем говорит мужчина. Но вдруг в голове всплыл разговор с Яном, и пазл начал постепенно складываться. Кравцов сразу осмелел и усмехнулся, подражая мужчине.

– Вы пришли сюда, чтобы меня запугать? Так я пуганный уже.

Мужчина рассмеялся и медленно встал с кровати, подходя ближе к Вите. Белые волосы, зеленые глаза, выраженные скулы... да, Ян был очень похож на своего отца, разве что у него не было таких больших мышц. Теперь ко всей «династии» Шварцов у Вити была неприязнь. Зная, чем занимается отец Яна, Кравцов не испытывал ничего, кроме злости и отвращения, но страха – ни грамм. Возможно, это было главной ошибкой в его жизни, но он не был намерен мириться с тем, что творят эти люди из ЗНАКа. Была бы его воля,

Витя вцепился бы в этого амбала и перегрыз бы ему сонную артерию, однако этим бы он точно подписал бы себе смертный приговор. Должно же было у него остаться еще немного здравого смысла. Кравцов начал нервно покусывать губу, пристально наблюдая за каждым движением Шварца.

– А ты смелый...Но и на тебя управа найдется.

Мужчина тихо посмеялся и кивнул, сам для себя подтверждая сказанное и отходя от кровати Вити. Он открыл его и впустил в палату свежий воздух, который так был необходим. Однако он никак не исправил ситуацию. В воздухе повисло безмолвное напряжение.

Глава 3

Витя не ожидал, что его смерть наступит так скоро. Хотя ЗНАК и пообещал ему полную неприкосновенность, но Кравцов точно знал, что это всего лишь слова. Он такой же «мусор», как и те люди, которые остались в городе. Скоро настанет и его черед отправляться на тот свет, когда ЗНАК доберется до ближайших от города населенных пунктов и учреждений, как например, школы-пансиона «Гилмор», о котором люди из ЗНАКа знали не понаслышке. Школа находилась практически посреди леса, и с цивилизацией ее соединяет лишь заасфальтированная дорога, ведущая в город, и линии электропередач. Если бы сын Адама Шварца, одного из шишек этой организации, не учился здесь, возможно, они бы даже не узнали о существовании школы. Вите же оставалось лишь ждать, он продлит себе жизнь лишь на какой-то несчастный месяц благодаря тому, что согласился работать на ЗНАК. Так и к чему теперь все эти переживания о будущем, которого у него и не будет?

Кравцов размял ногу, покрутив ей, и не спеша встал со стула, попутно думая, что ему делать. Ну, как что? Следить за тем, чтобы никто не узнал о начале операции, присматривать за Яном... Или пойти и подорвать эту чертову лабораторию, сравнять ее с землей вместе с жалкими людишками, которые там работают. Вот только никакого оружия и гранат

у Вити не было, он даже не знал, где их взять, да и он не умел этим пользоваться. А еще он понятия не имел о местонахождении главной лаборатории. Витя мог лишь намотать сопли на кулак и вернуться в комнату, пока в кабинет не забрел какой-нибудь зевака и не сдал его физику.

Школа была достаточно большой. Левое крыло отводилось под комнаты начальной и части средней школы, их классных комнат, а также под кухню, прачечные и помещения для обслуживающего персонала. Там Витя практически не появлялся, разве что тайком пробирался на кухню, обычно после отбоя, чтобы стащить что-нибудь из холодильника или из кладовки, где часто завхоз прятал шоколадки и конфеты. В правом крыле жили ученики старше 7 класса и весь преподавательский состав. Здесь было больше кабинетов, а также библиотека на третьем этаже, который достроили после Великой Отечественной войны. Создавалась нелепая асимметрия: левая сторона была ниже правой, а главная часть здания посередине, также состоявшая из двух этажей, выделялась за счёт небольшого купола.

Пока Витя спускался на первый этаж, он успел пожалеть тысячу раз, что ушел так далеко. И все бы ничего, если бы ему не пришлось нестись сломя голову, чтобы успеть ответить на третий звонок от господина Шварца. У Кравцова разболелась нога, и он начал прихрамывать, держась за перилу. Мимо по лестнице проносились дети, которые еще не успели исчерпать всю энергию, накопленную за лето. Один па-

рень, на вид лет 13, чуть не сбил его с ног, Витя схватился за перилу обеими руками и зашагал быстрее, пока его тут не пришибли.

В свободное от учебы время не было запрещено ходить по другим этажам помимо первых, где находились комнаты учеников. По крайней мере это не было прописано в правилах. Однако там был выключен свет, а ближайшее окно, свет из которого освещал лишь часть коридора, находилось в самом его конце, и преподаватели могли сделать замечание, ведь заходить в кабинеты без учителя было настрого запрещено. Мало ли с какими намерениями ты пришел на учебный этаж.

А вот за библиотекой тщательно следили. Она была достоинством школы. Находясь в самом конце коридора, она охранялась учителями, чьи комнаты растягивались в линию перед входом в библиотеку. Витя прямо-таки и представлял, как в том коридоре проводятся обряды или жертвоприношения: учителя встают в две линии рядом с дверьми комнат напротив друг друга, зажигают свечи, отворяется «главная» массивная дверь, из которой выползает библиотекарьша с канделябром и начинает разбрызгивать по полу, устеленному длинным узким ковром, чью-то кровь. Зрелище не из приятных.

Пока не начался учебный год, не привыкшие к порядку и правилам, избалованные детки могли делать все, что душе угодно. Но вот уже спустя пару дней учителя основательно

возьмутся за них, — тут уже не побегаешь.

Занырнув в свою комнату, Витя добрался до кровати и рухнул на нее, устало прикрыв глаза, как будто кросс пробежал. Кир решил тактично промолчать и в очередной раз удержать при себе шутки про то, что иногда Кравцов ведет себя, как дряхлый дед с радикулитом.

Дневной сон оказался лишним. Ближе к обеду Витя проснулся в холодном поту и тяжело дышал, чем привлек внимание Кира. Тот сразу подлетел к нему и уселся рядом, как курица-наседка. Кравцов же цеплялся за ускользающие воспоминания о своем сне, стараясь запомнить все детали, которые испрылись сразу же, как только Витя начинал о них думать.

— Эй, все в норме? — раздался обеспокоенный голос сверху, — Ты выкрикнул что-то неразборчивое. Что тебе снилось?

Витя наконец посмотрел на Кира: на его шее висела подвеска в виде ракушки, на вид тяжелая. Взгляд сразу зацепился за нее, ведь у Маевского из украшений были только кольца и крестик, который скрывался под одеждой. Витя не хотел рассказывать Киру про свой сон, поэтому умело сменил тему.

— Откуда у тебя эта безделушка? У девчонки какой-то отжал? — с совершенно серьезным лицом спросил Витя, но оба парня понимали, что Маевский бы так никогда не поступил.

Кир тихо посмеялся и взял ракушку в руку, пододвигаясь ближе к Вите, чтобы тот мог лучше рассмотреть вещь.

Кравцов не находил в ней ничего красивого или привлекательного: обычная ракушка на веревочке.

– Пока тебя не было, Ян заходил... Спросил, где ты, и подарил ракушку. Классная, да?

Витя сразу скривился при упоминании этого имени. Перевернувшись набок лицом к стене, Кравцов натянул на себя одеяло и укрылся им с головой. Дышать было неприятно и тяжело в этом импровизированном укрытии, но Витя не хотел из него вылезать, так как знал, чем может продолжиться этот разговор. Кир снова начнет говорить о том, какой Ян хороший и что им с Витей просто необходимо помириться, а закончит своей игрой в угадайку с названием «почему вы поругались?».

О произошедшем три года назад инциденте, после которого Витя пролежал в больнице больше месяца, был в курсе каждый сопливый первоклассник. Однако все знали лишь ту версию, которую изложил им Витя, точнее директору, а затем слухи быстро распространились по всей школе. Кто-то говорил, что Витя напился и, не удержавшись на ногах, полетел вниз по лестнице. Другие утверждали, что во всем виноваты школьные призраки, которые не жалуют ночных гостей в их коридорах. Эту версию любили обсуждать младшеклассники, а взрослые им только подыгрывали, чтобы те раньше ложились спать.

Однако никто не знал, что в ту ночь с ним был Ян. Витя рассказал, что ночью просто захотел пить и пошел в столо-

вую, где как раз стоял кулер. И вдруг, когда спускался обратно, споткнулся и упал. Максимально банальная и не трагичная история, которая не могла вызвать ни капли подозрения. После этого происшествия директор распорядился, чтобы с лестницы убрали ковер и высокие вазы, которые могли послужить препятствием для спуска и подъема. Но через пару месяцев все вернулось на свои места.

Витя не мог простить предательство, но и трепаться о нем не собирался. Даже если бы он рассказал всю правду, о том, как все было на самом деле, ему либо не поверили бы, либо выставили дурачком. Не хватало еще, чтобы тогда вмешался господин Шварц. Он бы просто стер Витю в порошок, дабы защитить достоинство сына. Но в итоге Адам все равно повлиял на Кравцова, заставив его молчать. Витя знал, как только истина всплывет, следом за ней всплывет сам он брюхом кверху. Поэтому Кравцов был обречен хранить тайну вечно.

После этих воспоминаний в голову пришла дурацкая мысль о том, что недавний сон был вещим. В нем Витя шел по длинному темному коридору, в конце которого мигала желтая лампочка. Как только он подошел к ней, раздалась громкая сирена, и Кравцов поспешил покинуть здание. Но неожиданно он оказался в лаборантской: посередине стоял широкий стол, а на нем – микроскопы, колбы с разноцветной жидкостью, центрифуги и другое лабораторное оборудование. На другом конце стола сидел Ян в белом костюме,

перчатках и маске. Он сразу прервал работу, когда увидел Витю, вышел из-за стола и неторопливо начал снимать с себя все средства индивидуальной защиты.

– Не думал, что ты доберешься до сюда. Что ж... – Ян помедлил, кидая ненужные вещи в мусорку и подходя ближе к Вите, – Поздравляю, ты победил.

Вдруг Кравцов заметил в его руке шприц с непонятной красно-коричневой жидкостью, его тело будто парализовало, и он начинал кричать. Вопль Вити сливался с сиреной, но вдруг все резко затихло, когда Ян проткнул иглой кожу на шее Кравцова. Витя не слышал самого себя: может, он оглох или это было просто действием непонятного препарата Шварца. Сначала Витя почувствовал эйфорию, а когда Ян закончил вводить лекарство, вена на шее начала пульсировать и гореть, затем жар распространился по всему телу.

– Это для твоей же безопасности.

Повторял Ян и не затыкался, говоря все громче и громче, а после совсем перешел на крик. Витя упал на колени и склонил голову вниз в позорном жесте проигрыша. Боль была сравнима с тем, будто шею окутала колючая проволока и постепенно сжималась, норовя отсечь ему голову. Тело начало подрагивать в предсмертных конвульсиях, в голове крутилась одна и та же фраза как заезжая пластинка «моли о прощении!». Но гордость Вити не позволяла ему. Последнее, что он помнит, – как сам схватился за шею и начал себя душить, потеряв рассудок.

Снова и снова прокручивая в голове этот противный сон, Витя пытался найти соответствие с действительностью. То ли чтобы утвердить свое предположение о том, что это вещий сон, то ли чтобы еще в чем-нибудь обвинить Яна. К этому времени Кир от него уже отстал и занимался своими делами, так что Витя мог наконец-то выбраться из-под одеяла. Пока он там торчал, успел упариться и вспотеть. Кинув взгляд на будильник, стоящий на тумбочке, Кравцов прикинул, что у него есть еще полчаса до обеда, а значит, можно было сходить и умыться. Да и тем более сейчас вряд ли кто-то пойдет в душевую, поэтому Витя мог бы спокойно сполоснуться.

Как только Кравцов достал из шкафа полотенце с гелем для душа, в его сторону тут же прилетел смешок.

– Ты решил помыться и лечь спать? Ну да, в духе старика.

Кир залился смехом, но в следующую секунду в него прилетел флакон с шампунем, и Маевский ахнул, успев подставить ладонь, чтобы ему не прилетело в лоб.

– Да ты чуть не убил меня, бешенный! Молчу я, молчу, – недовольно пролепетал Кир и, кинув взгляд на шампунь, лежавший на полу, показательно отвернулся от него, – Иди уже, снайпер.

Душевая находилась перед поворотом к остальным комнатам, и почти всегда тут никого не было. Ученики обычно заседали в комнатах или собирались в рекреации, которая находилась в конце всего ряда комнат. Однако сегодня все

было против Вити. Прямо перед дверью в душевую стояла толпа парней, кажется, из 10 класса, и что-то активно обсуждала. Одни агрессивно размахивали руками, а другие громко кричали, перебивая друг друга.

Витя решил, что прерывать их спор – плохая идея, тем более эти лбы ничего не знают о чести и с легкостью могут навалиться на него всей толпой. Кравцов уже развернулся, желая поскорее оказаться в своей комнате, как вдруг его окликнули. Витя, машинально накинув полотенце на плечо и запихнув гель для душа в карман спортивных штанов, мгновенно насторожился, готовясь к худшему. Но, обернувшись, он увидел, что к нему приближается лишь один парень, отделившийся от всей толпы. Кравцов знал его как главного бездаря и лентяя со слов учителей. Да и вид этого парня говорил сам за себя: волосы – как растрепанное гнездо, на губе – присохшая крошка, мятая футболка и широченные шорты, которые еле держались на бедрах. Такая компания явно не устраивала Витю, поэтому он сделал шаг назад, попятившись, и вытащил из кармана флакон, решив, что с ним в кармане он выглядит глупо.

– Хромоножка, куда побежала? – Стас рассмеялся, подходя почти вплотную к Вите, из-за чего ему пришлось совсем сместиться к стене.

– Что ты хотел? Давай быстрее, меня друг ждет. – соврал Кравцов, поглядывая на парней сзади, которые, кажется, даже не заметили пропажу приятеля.

– Мы тут решили после физкультуры пробежаться вглубь леса. Слышал, этим летом наш дворник нашел там дохлую лису с двумя головами и забредшую собаку, у которой из глаз кровь текла.

Витю передернуло от таких слов. Чего только не придумают эти идиоты со скуки. Кравцов понял, что нужно срочно смываться, пока ему еще какие-нибудь байки не начали рассказывать. Витя заметил, что дверь в ближайшую комнату не закрыта на щеколду, и уже голов был направиться к ней, как вдруг Стас толкнул его в плечо, возвращая к разговору. Кравцов бы с легкостью мог сейчас ввязаться в драку, но перспектива быть забитым толпой десятиклассников ему не нравилась. Витя протяжно вздохнул и снова посмотрел в лицо парня, пытаясь не обращать внимания на его неопрятный вид.

– Так что, тебе слабо с нами пробежаться?

– Мне нельзя бегать, – с выдержкой ответил Витя и направился к примеченной ранее комнате, надеясь, что от него отстанут.

За спиной Вити послышался смешок и, кажется, Стас даже харкнул на пол. Кравцов сдержал себя, чтобы не скривить лицо, и, распахнув дверь, вошел в комнату, молясь, чтобы не наткнуться там на голых девушек.

Вслед Вите Стас прокричал еще пару обидных фраз, которые совершенно не задели Кравцова, и он быстро закрыл дверь на щеколду, мало ли эти придурки решат пойти за ним.

Витя был не лучше – ворвался в чужую комнату, так еще и заперся. Хозяев на месте не было, поэтому Кравцов решил, что через пару минут уберет щеколду и вылезет в окно, убежав с «места преступления». Окинув пустую комнату взглядом, Витя оцепенел и ахнул от неожиданности, когда увидел, как из шкафа на него смотрит пара глаз.

Глава 4

Дверца шкафа неприятно заскрипела. Витя не ожидал, что партизан решит показаться ему, а не продолжит прятаться, отчего сделал шаг назад, обратно к двери, и схватился за ручку, словно за единственное спасение. Видимо, незнакомец понял, что его засекли, а теперь ему необходимо расправиться со свидетелем, который так нагло ворвался в чужую комнату.

Кравцов поймал себя на мысли, что уже второй раз за сегодня бежит от проблем как последнее ссыкло. В чем-то Стас все-таки был прав. Сколько бы Витя не строил из себя бесстрашного героя, он остается трусом. До травмы многие считали Кравцова непобедимым противником, самые смелые вмешивались с ним в драки и выходили из них с позором. Вите нравилась эта игра: как только во время потасовки кто-то падал на пол, вокруг сразу же собиралась толпа, чтобы посмотреть, насколько далеко зайдет очередная драка. До Вити часто доносились крики, в которых он мог разобрать свое имя, а иногда имя оппонента, но за него болели неохотно, понимая, что тот проиграл уже в тот момент, когда только затеял драку. Первым Кравцов никогда не ввязывался, но и никогда не отступал, когда кто-то его провоцировал.

После травмы Витя стал сам не свой, но не мог понять, что именно изменилось в нем. Он боялся за свое здоровье

или просто поумнел? Его запугал ЗНАК, и Кравцов почувствовал свою слабость перед ним или он вообще никогда не был сильным? Эти драки у всех на глазах – всего лишь показуха, развлечение, которое приносило Вите удовольствие лишь на долю секунды, когда слышал восторженные визги, свидетельствующие о его победе. Но благодаря им Кравцов заработал себе хороший авторитет среди сверстников, чем в то время гордился.

Стоя между двух огней, толпой десятиклассников и загадочным врагом, Витя пытался судорожно решить, что ему делать на этот раз. Путь к окну был заблокирован, Кравцова могли перехватить по пути к нему, а за спиной десятиклассники перекрикивали друг друга, споря о том, кто сколько километров может пробежать по лесу и не сдохнуть. Оставалось только ждать, пока незнакомец покажется, а там Витя уже будет решать: получить или дать в лоб.

Дверца шкафа резко отлетела в сторону, издав ноющий скрип, и плечи Вити тут же опустились после долгого напряжения. Увидев хитрую улыбочку Кристиана, Кравцов почувствовал себя полным болваном, как волк, который испугался крольчонка, притаившегося в кустах. Исаков и правда был сравним с белым и пушистым зверьком, всегда выглядел безобидно, был спокойным и сдержанным. Многие даже смущались при беседе с ним, думая, что он испытывает к ним симпатию, но это был просто его стиль общения. Сколько же девушек из-за этого отшил Крис, Кравцов мог только догады-

ваться. Иногда Вите казалось, что он не заслужил такого отношения к себе, когда ему приходилось взаимодействовать с Крисом. Вите всегда было неприятно слышать всякие лесть, похвалу и комплименты от кого-то, помимо близких, но из уст Исакова все звучало настолько искренне, что Кравцов мог часами сидеть и кивать ему как собачка на приборной панели в машине.

Наконец представление «Напугать Виктора Кравцова», в главной роли которого был Кристиан, закончилось, и он вышел из шкафа, аккуратно поправляя свои длинные волосы, прикасаясь к ним кончиками пальцев, будто если до них дотронуться грубо, они тут же потеряют всю воздушность и легкость.

Исаков не спешил объясняться, да вроде даже не собирался. Он смотрел на свое отражение в маленьком зеркальце, что стояло на столе, и делал вид, что Вити здесь и нет. Тогда Кравцов решил заговорить с ним первым, уж очень было интересно, зачем Крис устроил эти посиделки в шкафу.

– Ты прятался от кого-то что ли? – услышав очередной крик за дверью, Витя глубоко вздохнул и большим пальцем указал на дверь, – От них?

Кристиан тут же рассмеялся, и Витя снова почувствовал себя глупо, будто и правда сказал что-то из ряда вон выходящее, хотя просто хотел помочь. Появилось желание развернуться и уйти, и пусть Исаков делает тут, что хочет. Хоть на столе, хоть под столом сидит. Но тот наконец повернулся

к Вите и мягко улыбнулся, надломив светлые брови, словно ему стало жалко парня. Кравцов опешил, видя лицо Криса, нежное и невинное. Он был ангелом, спустившимся с небес, освещенный ярким солнечным светом. Слава Богу, Исаков наконец заговорил, нарушая это неловкое молчание и возвращая Витю с небес, куда он чуть ли не вознесся от вида Криса, на землю.

– А что от них прятаться? Разве они могут мне что-то сделать?

Он говорил так, будто Кравцов был законченным идиотом, и Витя быстро отвел от него взгляд, решив теперь смотреть в окно за спиной парня. Нахмурившись, Витя закатил глаза, но не так показательно, как делает это обычно, а лишь таким образом, чтобы Крис просто уловил его недовольство.

– Да они там столпились, спорят, орут...

Витя будто оправдывался, слова не складывались, а все мысли из головы улетучились в миг. Крис снова хихикнул, замечая на плече Кравцова полотенце, а в руке флакон шампуня. Он подошел ближе и двумя пальцами взялся за край полотенца, будто брезговал касаться вещей Вити.

– А ты шел в душ? Видимо, не дошел, – Исаков сделался серьезным. Он внимательно осмотрел лицо Кравцова, будто на нем было что-то написано мелким текстом, а затем тяжело вздохнул, делая шаг назад, – Кажется, ты перепутал душевую с комнатой, иначе как еще объяснить твое присутствие здесь? Ты прячешься от них?

К горлу Вити подкатил ком от осознания того, что Крис оказался прав. Кравцов прятался от этих жалких десятиклассников. Еще и так позорно, в женской комнате! Однако Витя не желал показывать Исакову свою слабость. Он выглядел как спичка, которую Кравцов может согнуть одним касанием, а говорил так, будто бессмертный. Хотя так оно и есть, ангелы бессмертны. Кравцов посмотрел в глаза Криса, серые, почти прозрачные, и снова нахмурил брови, выпрямляя плечи, чтобы казаться выше.

– Еще чего, заняться мне больше нечем! Шел, заметил, что дверь приоткрыта, вот и решил проверить. Подумал, что эти придурки девушку сторожат.

Слишком большую роль Витя взял на себя, – герой, бросившийся спасать даму. Ему самому стало от этого тошно, но Крису, видимо, такой ответ пришелся по душе. Он прикусил губу и слегка кивнул пару раз, отворачивая голову в сторону. Кажется, Исаковский не собирался уходить отсюда, прям как Витя. Либо они оба дурили друг друга, на самом деле прячась здесь от задир, либо Крис всего лишь ждал кого-то, хотя Витя не припоминал, чтобы он близко общался с кем-то из девушек. Кравцов решил не лезть в его личную жизнь, да и вообще в его дела, хотя очень хотелось.

Он довольствовался тем, что мог издали наблюдать за объектом искусства, который создавало само его воображение, но подходить ближе не смел. Родители Криса – одни из главных спонсоров школы. Они часто заходили сюда, про-

веряя свои владения и свою белую лилию, ухаживая за ней как за самым хрупким цветком на планете. Витя не знал, была ли это настоящая родительская любовь или ее имитация. Ему не верилось в то, что эти мультимиллиардеры могли испытывать хоть какие-то чувства, их жизнь им не принадлежала, она была в руках все тех же миллионеров и миллиардеров. Сделаешь шаг в сторону – и ты уже на слуху у тысячи людей, скажешь что-то не то – тут же загрызут. Вот им и приходится изображать счастливые семьи, делая вид, что им важны не только деньги.

Хотя Елизавета Федоровна, мать Кристиана, казалась приятной женщиной. Иногда Витя даже забывал, что из своего роскошного дворца в другом городе она летала сюда исключительно на самолете лишь для того, чтобы навестить сына. У семьи Исаковых был дом и в этом городе, но Витя не знал, почему они здесь не живут. Мог лишь догадываться, что это все из-за заводов или самого ЗНАКа. Однажды Крис передал Вите, что его мама хочет познакомиться с родителями Кравцова, ведь никогда их не видела, но на это он лишь пожал плечами, пробубнив что-то вроде «Они живут в другой стране за океаном». Как-то Елизавета Федоровна даже подходила лично к Вите, пытаясь разузнать, где его родители живут и где работают. Кравцов умело придумывал ответы, которые больше походили на отмазки, и вскоре женщина от него отстала.

Наконец Кристиан сдвинулся с места и, подойдя к бли-

жайшей кровати, аккуратно сел на нее, а затем похлопал рукой по месту рядом с собой, приглашая Витю присоединиться к нему. Кравцов неуверенно кивнул и присел рядом с Крисом, уставившись в пол. Интересно, как долго они так просидят. Витя надеялся, что компания снаружи скоро уйдет, и Кравцов сможет быстро проскочить в свою комнату. Но их спор в коридоре был в самом разгаре.

Витя даже не мог вспомнить, кто здесь живет. По женским вещичкам он понял, что это две старшеклассницы. Главное, чтобы одной из них не была Габриэлла, его одноклассница, которая, казалось, ненавидела весь мужской пол. Она общалась только с двумя подружками из 10 класса, которые тоже не вызывали доверия, а если ей приходилось работать над докладом или проектом в мужской компании, то сразу устраивала целую истерику, а во время выступления даже могла без стеснения перед всем классом назвать парня тупицей и еще как-то унижить. В общем, интересная особа, к которой Витя не приближался. Кравцов начал рассматривать высокий стеллаж, на котором стояли книги, лежала пряжа, ткань, крючки и спицы, а также много всяких украшений и коробочек разного размера. Похоже, владелица этого стеллажа была рукодельницей.

– Как прошло твое лето? Съездил к родителям? – тихо спросил Крис, будто боялся нарушить тишину.

Витя перевел взгляд на Исакова и заметил торчащую из кармана его жилетки цепочку. Сначала Кравцов подумал,

что это, стало быть, карманные часы, но цепочка была слишком тонкой, предназначенной для подвесок. Витя, кажется, слишком долго разглядывал торс Криса, ведь когда он снова посмотрел в его глаза, Исаков приподнял брови, не понимая, что Кравцова так заинтересовало.

– Точно, лето... – Витя прокашлялся, пытаясь выиграть себе время и выдумать новую историю про родителей, – У тебя из кармана просто цепочка торчит, мне стало интересно, что это.

Кравцов выдохнул, обрадовавшись тому, что постепенно уходит от вопроса Исакова. Крис тут же потянулся к карману, расплылся в улыбке, и Витя решил, что, возможно, это дорогая вещь, которая, что-то значит для парня. Он положил на свою ладонь кулон из розового кварца, который обвивала проволока, и сверху которого был завязан розовый бант из атласной ленты. Витя не ожидал увидеть такое украшение, больше подходящее утонченной девушке. Но когда Крис поднес его к губам и заботливо поцеловал камень, Кравцов заключил, что это лишь его предрассудки.

– Это мне подарила мама. В память о ней... – Исаков поднял взгляд на Витю, и тот улыбнулся в ответ, пытаясь выглядеть дружелюбно, – Она любит подобные безделушки, но не буду же я такое носить, поэтому лежит в кармане. Ей бы это украшение подошло больше.

Кравцов хотел было выпалить, что Крису бы пошло все, будь то розовый девчачий кулон или мусорный пакет, но

быстро прикусил губу и молча кивнул, пока Исаков прятал украшение обратно в карман.

– Так что с твоими родителями? – Крис осекся и тихо усмехнулся, отведя взгляд в сторону, – то есть с летом... Я разузнал, что Филипп был в Дубае, София вместе с Эллой – во Франции, Ян – на Мальдивах. Мы с родителями решили поездить по Европе.

Кристиан начал рассказывать про свое летнее путешествие, и Витя даже заметил огонек в его глазах. Он широко улыбался и жестикулировал руками, где-то даже прикрикивал, выражая удивление или восторг. Это очень нравилось Вите: Исаков не пытался изображать из себя богатенького подонка. Он рассказывал о том, как в Швейцарии он с отцом поднимался на гору Маттерхорн. Они долго к этому готовились, собрали два больших рюкзака провизии с палатками и рассчитывали подняться на вершину за пару дней, но уже спустя пару часов выдохлись настолько, что решили вернуться обратно, а мама потом еще долго над ними смеялась. В Германии отец Криса, Александр Романович, решил перепробовать все сорта пива и чуть не подрался с каким-то немцем. А в Чехии его маму надурил один местный мужичок, который пообещал ей фотосессию в центре Праги, долго крутился так и эдак, стараясь поймать удачный кадр, а когда дело дошло до передачи фотографий, он быстренько свалил. Александр Романович долго искал этого хитрого чеха, ругаясь и подбирая самые обидные слова, будто он его слышал.

Крис даже представить не мог, что отец мог так сквернословить.

Вите были смешны скорее не сами ситуации, а то, как Исаков их рассказывал: корчил рожицы, подбирал интонации для каждого героя, а иногда мог вскочить с кровати и начать что-то изображать. Кравцов и подумать не мог, что ему будет так весело с человеком из высшего общества, которым обычно и дело нет до таких, как Витя. Когда парни притихли, переваривая всю информацию, Кравцов прикусил губу и пожал плечами.

– Я бы тоже хотел так путешествовать. – мечтательно сказал он и вздохнул, замечая растерянный вид Криса.

– А ты никогда не был за границей? А как же родители?

Витя успел подумать о том, какую правду можно знать Исакову, а какую – нет, когда слушал его истории, поэтому уже не нервничал.

– Мне это не было интересно. Мне больше нравится в России, здесь тоже много чем можно заняться, – Витя пожал плечами, на ходу выдумывая историю, прям как в детстве, когда он перед всем классом рассказывал о том, как летал на драконе и сражался с рыцарями, – Больше всего мне понравилось на Байкале, я там был трижды с родителями. Но этим летом они были заняты, поэтому остались в Штатах.

Крис даже будто расстроился. Он прикусил губу, и его вид сразу сделался виноватым. Еще немного и прям расплачется. Тогда Витя позволил себе слегка толкнуть его в плечо, что-

бы разрядить обстановку, но быстро убрал руку, словно решив, что сломал куклу. Но Исаков лишь улыбнулся и толкнул Кравцова в ответ. Напряжение между ними начало спадать.

– И где ты тогда был все каникулы? – Крис склонил голову набок, слегка натянув улыбку.

– Здесь.

Брови Исакова полезли на лоб, отчего Витя тихо посмеялся и отмахнулся от Криса. Для него это правда звучало дико: родители оставили своего ребенка в школе на все лето, но Кравцов не придавал этому значения. Будто такое было в порядке вещей с каждым.

– У меня не очень хорошие отношения с родней, поэтому я не парюсь. Мне даже нравится здесь летом: тишина и покой.

Кристиан снова заулыбался, что несомненно нравилось Вите. Теперь он не думал про толпу, которая, по всей видимости, уже ушла, ведь стало тихо, он не хотел сбежать, а наоборот, пытался найти новые подходящие темы для разговора с Исаковым.

Кравцов вдруг почувствовал подходящий момент спросить про то, что же Крис все-таки делал в чужой комнате до того, как Витя не потревожил его. Но вдруг дверная ручка задергалась, и кто-то снаружи начал напористо пытаться открыть дверь. Парни быстро переглянулись между собой и встали, прислушиваясь. Крис решил взять инициативу на се-

бя, быстро направившись к двери. Он убрал щеколду и распахнул дверь, а затем взмахнул руками, расплываясь в довольной улыбке.

– Майя! Как жизнь, дорогая? – Крис приобнял девушку и завел ее в комнату, закрывая за ней дверь. Она, кажется, была ошарашена.

– А что вы здесь делаете? Еще и заперлись...

Майя окинула комнату взглядом и остановила его на Вите, уголок ее губ чуть дрогнул, и она кивнула Кравцову в знак приветствия. Крис, кажется, ни капли не смутился и вел себя как дома.

– Присядь, я тебе все объясню, – никто не сдвинулся с места, – я зашел поздороваться с тобой, все-таки три месяца не виделись! Но тебя не было, поэтому я решил подождать. Пока я тут сидел, Витя увидел, что возле твоей комнаты ошиваются те придурки, которые в прошлом году сняли с петель дверь в мужской раздевалке, я тебе рассказывал, и решил прийти на помощь. Мало ли они и на твою дверь покусились бы.

Витя с легким удивлением смотрел на Криса, пока тот так легко рассказывал обо всем Майе. Она была их одноклассницей, и Кравцов даже подумать не мог, что они общаются так близко. Девчонка была хорошая, бойкая, но доброжелательная. Она посмеялась и, скрестив руки на груди, покачала головой с громким выдохом, как будто мама собиралась отчитывать ребенка за проказу.

– Ладно, надеюсь, вам не пришлось долго меня ждать. Я встречала Эллу и помогала ей отнести сумки в комнату. Ее родители снова не удосужились отвезти ее, а водителю, видите ли, не положено выходить из машины.

Витя не знал о семье Майи ничего, да и никогда не интересовался ее жизнью в целом. В основном обо всех все ему рассказывал Кир, любитель сплетен, а сам Витя не любил разговоры, особенно о личном. Сегодняшнее общение с Крисом было чем-то особенным и исключительным, что ни с кем другим повторять не хотелось. Про Кира он уже все знал, поэтому они редко спрашивали друг о друге, а до остальных Вите не было дела.

Пока Крис возился с Майей, перешептываясь о чем-то своем, Кравцов решил, что самое время уходить. Он хотел предупредить Исакова о том, чтобы он никому не рассказывал об их беседе, но промолчал, решив, что Крис и сам прекрасно все понимает.

Выйдя из комнаты, Витя посмотрел на ее номер. Цифра 124 поблескивала от ламп, свет от которых падал на гладкую поверхность металла. Витя запомнил номер и только после направился вдоль по коридору к своей комнате, снимая с плеча полотенце и заматывая в него флакон шампуня. Кравцов лишь сейчас задумался о том, что от него могло неприятно пахнуть, ведь буквально недавно он вспотел, но отбросил эти дурацкие мысли, желая запомнить разговор с Крисом в хорошем ключе.

Как только Витя лег на кровать, которая как будто все еще хранила в себе воспоминания о последнем сне, в комнату влетел Ян. Этого Кравцов уж точно никак не ожидал, отчего вскочил и замер, уставившись на запыхавшегося незваного гостя.

– Нам сейчас же нужно поговорить, Вить.

Глава 5

Ян выглядел болезненно: у него были большие мешки под глазами, красные щеки, губы в рубцах и спутанные волосы. Это было совсем не в его стиле. Он всегда и при любых обстоятельствах стремился выглядеть идеально, чтобы оправдать свой статус, но сегодня что-то пошло не так. Однако у Вити не было ни сожаления, ни сочувствия к нему. Он лишь хотел, чтобы Ян поскорее ушел и больше не появлялся в его комнате. Сейчас Кир был бы очень кстати: он умел убалтывать людей и легко уводил их от темы разговора. Когда он так нужен, его никогда нет в комнате. Витя взглянул на часы, было как раз время обеда, наверняка Маевский в столовой. Кравцов отошел к окну, лишь бы не стоять рядом со Шварцем, и с недовольством уставился на него.

– Либо ты свалишь из моей комнаты, либо я тебя за шкурку силком отсюда вытащу, – сквозь зубы процедил Витя.

Шварц пропустил угрозы Кравцова мимо ушей. Три года назад они бы могли спокойно вести такие разговоры, посылая друг друга куда подальше, но это было всего лишь ребячество. Сейчас же Витя не шутил.

– Отец уже звонил тебе? – У Яна был хриплый голос и, кажется, ему было больно говорить. Он прокашлялся, прикрывая рот рукой, но не отводя взгляда от Вити. – Ты в курсе, что они собираются сделать?

Кравцова не посвящали в дела ЗНАКа, ему хватало того, что ему позволяли знать. Про операцию Витя знал ровным счетом ничего, да и не хотел знать. Он планировал спокойно дожить свой последний месяц, а там уже пусть ЗНАК делает все, что хочет. После того разговора с господином Шварцем в больнице три года назад у Вити напрочь отбилась жажда влезать в его дела.

– Ты оглох? Я сказал проваливай! – Кравцов перешел на крик, начиная закипать от злости.

– Никуда я не уйду, пока мы не поговорим, – сдержанно сказал Ян, закрывая дверь на щеколду и подходя к кровати Кира, – Это не только твоя комната. Кир разрешил мне приходить к нему.

Витя схватил со стола канцелярский нож, тот, что подарил ему Кир утром, и подлетел к Яну, хватая его за плечо. Касаться Шварца было неприятно и даже противно. Кравцов поморщился и выдвинул лезвие, сильнее сжимая плечо Яна.

– Чего ждешь? – с тихой усмешкой произнес Шварц.

Витя был так взбешен, что, казалось, сейчас и правда перережет горло бывшему другу. Смотря на его спокойствие, Кравцов настолько сильно сжал нож в руке, что она начала дрожать, а сердце забилося сильнее. Он поднес лезвие к животу Яна, надавливая на него с такой силой, чтобы причинить парню боль, но не покалечить.

– Ты меня не понял. Я повторяю в последний раз и считаю до трех, – Витя толкнул Яна в грудь, отчего тот откинулся

назад и ударился головой о стену. – Раз.

– Я тебя прошу! Выслушай меня! – начал кричать Ян, вскакивая с кровати и хватаясь за затылок.

– Два.

Витя выдвинул лезвие еще и направил его на Шварца, но тот не хотел сдаваться. Он схватил подушку и закрыл ей живот. Витя был уверен, что Ян жалко притворялся, что не боится его. Ему нужно было только посильнее надавить.

– Я знаю, как остановить ЗНАК! – вдруг выкрикнул Шварц и сам испугался своих слов, тут же закусывая губу и распахивая свои и без того большие глаза, – Хотя бы ненадолго...

Витя медленно опустил руку с ножом, с недоверием и растерянностью смотря на Яна, словно дожидаясь, что сейчас тот рассмеется ему в лицо и выставит все за шутку. Но этого все никак не происходило. Кравцов слышал, как тикают настольные часы, и, кажется, стрелка сменила свое положение раз 100 прежде, чем Витя опомнился и заговорил.

– И как ты собираешься это делать? Либо ты полный идиот, либо у тебя есть лишняя жизнь в запасе, – Витя сделал глубокий вдох и положил нож обратно на стол, будто это не он пару минут назад хотел убить Яна.

Кравцов почувствовал жар и вернулся к окну, открывая его нараспашку. Вдохнув свежий воздух, Витя смог немного расслабиться и прийти в себя, готовясь к разговору с Яном. А тот, кажется, осмелел. Он подошел ближе и остановился у

другого конца подоконника, опираясь о него бедром. Шварц собирался что-то сказать, но снова закашлялся, что вызывало у Вити раздражение. Он отвернулся от парня и начал хрустеть пальцами рук, дабы хоть как-то успокоиться. Когда приступ кашля наконец прошел, Ян начал тихо говорить, из-за чего Вите пришлось повернуться к парню, чтобы нормально его слышать.

– Я все лето провел в лаборатории отца, и теперь знаю, как туда попасть. Он даже сделал мне пропуск, поэтому мы с легкостью попадем туда, если нас не засекут.

С каждым словом Яна Кравцов кривился все больше и больше. В конце концов он не выдержал и захлопнул окно, но то снова открылось, поскрипывая.

– Мы?! Нет уж, Шварц, я на это не подписывался. Ты живешь в своем мире и ко мне даже не лезь, – Витя поднял руки на уровне груди и отошел к своей кровати, присаживаясь на нее.

– Витя, это и в твоих интересах тоже! – Ян оттолкнулся бедром от подоконника и снова подошел к Вите, словно играл роль его тени.

– С чего вдруг это стало твоим интересом? Кажется, ты летом хорошо развлекся. Сколько бедняков вы перебили? Или начали с инвалидов? – Кравцов смотрел на Яна исподлобья, а тот, скрестив руки на груди, строил из себя назидателя. – И разве ты не должен был быть на Мальдивах? Или куда ты там ездил?

Витя заметил, как Ян занервничал, опустив руки и отведя взгляд в сторону. Доверие Кравцова снова пошатнулось, и он, закусив губу, тоже отвернулся, надеясь на то, что Шварц испугается, что его раскроют, и уйдет.

– Да, мне пришлось соврать. А что я скажу? Что все лето провел в подвалах да света белого не видел? – Ян развел руками и цокнул языком, усаживаясь рядом с Витей, – Прошу, пойми меня. Ты же сам в такой ситуации...шагу в сторону ступить нельзя.

Сегодня Кравцову тоже пришлось соврать Кристиану по поводу его лета, и он не мог осудить за это же Яна, хотя так хотелось. Кроме того, ЗНАК следил за тем, чтобы Витя не делал ничего такого, что может помешать его работе. Поэтому сейчас парни были в одной лодке, в старой дырявой лодке, которая вот-вот пойдет ко дну.

– А как же ракушка? – вдруг осенило Витю, и он повернулся к Яну.

– Какая ракушка? – Шварц похлопал глазами, на что Кравцов закатил глаза.

– Которую ты подарил Киру. Откуда она у тебя?...У вас там что ли магазин сувениров при лаборатории?

Ян замялся и снова начал кусать губу, которая и без того выглядела как разодранный кусок мяса. Он виновато опустил голову и что-то проямлил, но, получив от Вити удар кулаком в плечо, сказал громче.

– Отец приказал.

Кравцов тут же подорвался с кровати, но Ян схватил его за запястье и резко потянул назад. Витя упал рядом со Шварцем и хотел уже было полезть в драку, но Ян среагировал быстрее, положив подушку на грудь Кравцова и уперевшись в нее обеими руками, наваливаясь на него всем своим весом. Витя начал дергаться и перехватил Яна за руки, рассчитывая повалить его на кровать.

– Ты что творишь, мудак?!

– Успокойся и выслушай меня! Я тебе расскажу все, только дай слово, что доверишься мне, – когда Витя прекратил попытки вырваться, Ян продолжил говорить, но не спешил отпускать парня, – Внутри этой ракушки приклеен маленький жучок. Я должен был дать ее тебе, потому что отец сказал, что не доверяет тебе и хочет убедиться, что ты выполняешь все его требования... Но у меня появился план! И ты должен мне помочь. Витя, они собираются убить тебя, ты понимаешь это?! А сейчас появилась такая возможность...

Ян не успел договорить, как вдруг Кравцов рванулся вперед и, схватив парня за плечи, в одно мгновение уложил его на лопатки. Подушка полетела вниз, и Витя откинул ее ногой, вцепившись руками в шею Шварца, пока тот пытался вырваться, царапая запястья Кравцова ногтями и пиная его по коленям. Но Витя только сильнее сжимал шею парня, смотря ему в глаза.

– Если эти твари хоть пальцем тронут Кира, я тебя убью, понял?

Ян кое-как кивнул и, когда Кравцов наконец отпустил его, начал жадно глотать воздух ртом и снова задыхаться от новых приступов кашля. Шварц перевернулся на живот и, поднимая под себя плед, уткнулся в него лицом. Витя сел на край кровати и вытер руки о штаны, будто они были грязные. Кравцов просто поверить не мог, что Ян ввязал в эту игру в кошки-мышки еще и Кира. Хотя Маевский и не должен был наговорить ничего такого, что не понравится ЗНАКу, но Витя все равно переживал. Кир был слишком наивным и добродушным для тех дел, которые творятся за его спиной.

Сбоку зашевелился Ян и встал, поправляя волосы и пальцами зачесывая их назад.

– Ты обещал, что выслушаешь меня, – недовольно сказал Шварц и достал из кармана телефон, включая фронтальную камеру и начиная осматривать свой внешний вид. Его лицо покраснелось еще больше, а на шее остались следы от пальцев Кравцова. Видок так себе.

Витя даже не поднял на него взгляд, а продолжал смотреть в пол, пытаясь осмыслить все то, что наговорил ему Ян.

– Ничего я тебе не обещал. – Кравцов тяжело вздохнул и уперся локтями в колени, закрывая лицо ладонями, – Просто уходи.

Ян дошел до двери, но остановился. Сначала Кравцов решил просто дождаться, пока парень наконец свалит, но дверь все не открывалась, и Витя не слышал ничего, помимо надоедливых часов. Он убрал руки с лица и кинул взгляд на

Шварца. Он стоял спиной к Кравцову, держась за дверную ручку, будто его заколдовала медуза Горгона, и он превратился в камень.

Витя медленно подошел к парню, опасаясь того, что он может выкинуть что-нибудь еще в стиле ЗНАКа, и остановился сбоку от него. Ян опустил голову вниз и зажмурился, толкнув дверь, но та не поддавалась из-за щеколды, удерживающей ее. Со злости Шварц ударил по двери ногой и повернулся к Вите, поднимая на него красные от слез глаза.

– Ты даже не представляешь, как я устал! С того самого злосчастного дня мне приходится постоянно выгораживать тебя перед отцом, говоря, что ты можешь быть нам полезен!... – Ян снова захрипел, продолжив говорить тише, – ради тебя три года назад я вколол себе вирус, чтобы была причина оставить тебя в живых. Отцу сказал, что меня заразил кто-то в лаборатории, поэтому он меня только пожалел, – Ян всхлипнул и сделал глоток воздуха, опустив глаза в пол, – Иначе зачем, ты думаешь, он приказал тебе следить за мной?

– Тебя никто не просил этого делать. Ты сам во всем виноват, – отрезал Кравцов, нахмутив брови.

Несмотря на свой вид, он был растерян, ведь не ожидал услышать такую болезненную правду, от которой к горлу поднялся ком и застрял там.

– Да, я признаю. Но я бы не пришел к тебе, если бы они не изготовили антидот. Не то одноразовое лекарство, а настоя-

щее, – Ян горько посмеялся, смотря на свои дрожащие руки и сплетая пальцы в замок.

Кравцов замер, не в силах сказать и слова, пришлось опереться спиной о стену, чтобы не упасть. Витя не знал, должен ли поверить Яну на этот раз. Может, он все это придумал, чтобы вызвать жалость. Или это очередной план ЗНАКа, чтобы заманить Кравцова в лабораторию. Витя и не думал о таком варианте исхода событий. Он представлял, что его убьют выстрелом из оружия или закопают заживо, но забыл, с кем имеет дело. Наверняка ЗНАКу для их опытов нужно много здоровых людей, а они не бесконечные. Еще и сегодняшний сон, словно предупреждение, говорил о том, что Яну верить нельзя. Но все же Вите хотелось верить в то, что в нем осталось хоть что-то человеческое.

– И когда он даст тебе антидот? – Голос предательски дрогнул.

– Когда введут в школе чрезвычайное положение.

Витя вскинул брови, смотря на Яна с нескрываемым ужасом. Он понятия не имел, что входило в планы ЗНАКа, но не думал, что это коснется всей школы.

– Чрезвычайное положение? Зачем? – нетерпеливо проговорил Витя, подходя к Яну почти вплотную.

– В школе есть много противников ЗНАКа. Не только ты. – раздраженно ответил Шварц, будто все было очевидно.

– И смысл? Я ничего не понимаю, – Кравцов схватил Яна за плечи и слегка потряс его, чтобы привести в чувства, а-то

парень становился похожим на умирающего лебедя.

– Они запустят биологическое оружие, чтобы освободить город от ненужных людей. Но, как я и сказал, некоторые люди могут помешать им, поэтому нужно создать условия, в которых никто ничего не сможет сделать. Работники ЗНАКа получают вакцину, а остальные...будут постепенно умирать.

– Все заразятся тем же вирусом, что и у тебя?

– Нет, мой вирус...всего лишь мутация кори, даже более слабое ее проявление. Но отец думает, что это новый вирус, – Ян пожал плечами, будто в чем-то оправдывался, и аккуратно глянул на Витю, который все никак не мог отойти от шока.

– Подожди...это значит, что ты получишь антидот не от своего вируса?

– Да.

Витя задрал футболку Яна: за весь торс растянулось одно огромное ярко-красное пятно, а вокруг него рябили маленькие пятна, и Кравцов понял, что Шварцу уже не нужен был никакой антидот. Он попытался натянуть на свое кислое лицо улыбку, но она вышла кривой и совсем не шла парню.

– Поначалу лекарство от нового вируса помогало...

– Ян, я...

Я сочувствую. Я помогу тебе. Я сделаю все, что угодно.

Витя не мог выдавить из себя ничего из этого. Он смотрел в глаза некогда лучшего друга и задыхался, чувствуя, насколько он беспомощен и бесполезен. Вдруг дверная ручка

задергалась, и послышался стук, а затем голос Кира.

– Вить, ты что закрылся?! Привел подружку?

Кравцов шарахнулся и в одно мгновение отлетел от Яна. Стоя посреди комнаты, окруженный своими вещами, и находясь в безопасности, Витя не знал, куда себя деть. Земля ушла из-под ног, мир перевернулся, а его самого хорошенько встряхнуло. Когда Ян открыл дверь, и Кир вошел в комнату, Кравцов начал осознавать, зачем к нему пришел Шварц, почему так просил выслушать его... Это был совсем не крик о помощи, даже не надежда на спасение. Это было его последним желанием.

Маевский не ожидал увидеть Яна в комнате и даже обрадовался ему, протянув руку для рукопожатия. Но, заметив Витю, на котором не было лица, Кир сразу убрал улыбку с лица и сказал серьезным, не свойственным ему, тоном.

– Вы что, подрались?

Ян посмеялся и встал перед Киром, загоразивая собой вид на Витю. Кравцов не слушал, о чем они говорили. До него обрывками долетали какие-то фразы, но Витя не считал, что они заслуживают его внимания.

Спустя некоторое время Шварц обернулся на Кравцова и кивнул ему, после чего направился к выходу, будто ничего и не было. Маевский быстро подлетел к Вите и похлопал его по плечам, усмехаясь. Скорее всего Ян наговорил Киру всякий бред, чтобы тот отстал, и сейчас Вите придется что-то выдумывать, чтобы он отстал от него. Но, к огромному удив-

лению, Маевский молча сел за стол и начал рыться в тумбочке, что-то ища там. Это был подходящий момент, чтобы побыстрому свалить, пока до него не докопались с вопросами. Витя уверен, Кир не успокоится, пока не узнает вторую версию того, что происходило за закрытой дверью их комнаты.

Кравцов вытащил из шкафа первую попавшуюся кофту и покинул комнату, по пути хлопая себя по карманам, проверяя их на наличие телефона. В главном холле никого не было, стояли лишь чемоданы, а рядом с ними лежала куча других вещей, которые дети еще не успели донести до своих комнат. Витя сдержал себя, чтобы не раскидать все эти вещи и не разломать тут все. Он натянул на себя кофту и сунул руки в ее карманы, отворяя высокую тяжелую дверь и выходя на улицу.

Дни становились все короче, и уже начинало темнеть. Дул прохладный ветер, предвещающий скорое наступление осени. Витя накинул на голову капюшон и постепенно перешел на бег, чтобы быстро проскочить под окнами старшеклассников. Добравшись до забора, Кравцов нырнул под кусты и полез через них. Колючие ветки цеплялись за кофту, царапали руки, но Витя игнорировал это, желая поскорее оказаться за пределами пансиона. Там всегда пахло свободой. Как будто и не было никакого ЗНАКа, никакой опасности и никакой болезни Яна. Все просто испарилось.

Несколько метров Витя шел по высокой траве, которая обвивала ноги и затормаживала его. Когда же Кравцов вышел

на тропинку, он заметил на краю штанины целый комок репейников и быстро отодрал его, откинув в сторону. Тропинка вела к крутому склону, откуда открывался красивейший вид на лес. Там он мог сидеть часами, иногда слушал музыку или учил что-то по учебе. Главное – он был один.

Спустя 7 минут впереди показался просвет между деревьями. Витя вышел на небольшую поляну, посреди которой лежало бревно, накрытое скатертью, которую он этим летом стащил из кладовки на кухне, когда делал вылазку за шоколадом. Кравцов сел с краю и устремил взгляд вперед. Постепенно небо сливалось с лесом, горизонт размывался, и Витя закрыл глаза. Издалека до него донесся гудок поезда, а где-то вблизи запел соловей и закаркала ворона. Руки коснулись ребристого ствола дерева. Кравцов растворился под следующим дуновением ветра, и полетел над лесом вдаль, туда, где гудит поезд, где на железнодорожной станции встречаются люди после долгой разлуки, где на улицах города кипит жизнь и где все счастливы. Но, открыв глаза, он снова оказался частью этого мертвого дерева, которое не в силах сдвинуться с места.

Глава 6

Первый учебный день был намного тяжелее, чем Витя мог предположить. Только физика, проходившая последним уроком, смогла немного поднять ему настроение, она ему легко давалась, да и учитель был хороший. Хотя Витя не простил Максима Юрьевича за то, что три года назад он проболтался Яну о его ситуации в жизни, но все же не смог отказаться от их редких разговоров на переменах. Тем более, как сказал сам физик, он просто хотел посоветоваться со Шварцем, как можно помочь Вите, ведь они были лучшими друзьями. Поэтому Кравцов пришел к выводу, что лучше просто забыть про это недоразумение, к тому же ему нужно было сохранять хорошие отношения с учителем. Кто еще поможет ему с подготовкой к экзаменам?

Ян так и не появился на уроках, и Кравцов решил навестить его вечером. Все-таки в состоянии Шварца была частично и его вина, хотя Витя был убежден в том, что Ян поступил как последний идиот. Раз он ни во что не ставил свою жизнь, значит, на то есть причины. Или все же есть какое-то лекарство, которое способно излечить настолько запущенную болезнь, и Шварц просто давит на жалость. Только вдуматься! Ян почти три года болел корью и пил лекарства совершенно от другого вируса. Как понял Витя, сначала симптомы никак не проявлялись, и Ян решил, что ему это все

сойдет с рук, но сейчас болезнь начала прогрессировать.

Три года назад от господина Шварца Витя узнал о разработке нового вируса, который, по его словам, изменит мир. Он избавит планету от «мусора», и останутся только те, кто заслуживает жизни и будет полезен обществу. Адам в красках описал Кравцову, что его ждет, если он пойдет против него: на протяжении двух часов будет чувство эйфории, пока вирус начнет проникать в кровь и распространяться по организму, температура поползет вверх, затем начнутся судороги конечностей и головокружение, спустя еще пару часов наступит сильная паника, а тело будет постепенно парализовывать; на этой стадии человека еще можно спасти, однако есть большая вероятность того, что он останется инвалидом, если его уже парализовало, а вот через 5 часов начнут отказывать органы, один за другим, пока не дойдет дело до мозга. Смерть длиною в 10 часов будет очень мучительной. Насколько бы Витя ненавидел ЗНАК, себе он такую судьбу точно не хотел, поэтому смиренно выполнял приказы Адама. И все же от этого вируса было лекарство, которое помогало лишь на сутки и которого были достойны только избранные, а теперь появились вакцина и антидот. Возможно, господин Шварц был настолько перепуган за сына, что не стал разбираться с его болезнью и поверил ему на слово. Вот только симптомы кори явно начали проявляться не вчера и даже не позавчера, а хотя бы неделю назад, раз у Яна весь торс был покрыт пятнами. Но на лице и шее ничего не было. Возмож-

но, это было особенностью мутации вируса, и поэтому господин Шварц ничего не заподозрил.

Звонок с урока вырвал Витю из этих ужасных мыслей. Он начал быстро собирать вещи, желая поскорее пойти в библиотеку, где стояли компьютеры, чтобы найти больше информации о кори. Может, еще возможно ее вылечить самостоятельно. Кравцов рванул к выходу, но его остановил Максим Юрьевич, в руках которого был довольно толстый учебник по молекулярной физике.

– Это тебе для подготовки к экзаменам. Как прочитаешь, вернешь, – мужчина улыбнулся и отдал Вите книгу, возвращаясь к своему столу.

Кравцов быстро поблагодарил учителя и, зажав учебник подмышкой, направился за ним. Витя дождался, пока все выйдут из класса и поднял взгляд на Максима Юрьевича, еще некоторое время не решаясь заговорить.

– Извините, а не могли бы вы написать мне записку о том, что отпускаете меня в город? – тихо сказал Кравцов, боясь, что их может кто-то подслушивать.

Гаврилов озадаченно посмотрел на Витю, а затем усмехнулся, будто решил, что он шутит.

– Зачем тебе в город? Сегодня только первый учебный день.

– Мне нужно купить лекарства. Но это секрет, – Витя слегка нахмурился, делая серьезный вид.

– Если у тебя что-то случилось, давай я схожу с тобой

к медсестре. Она даст тебе лекарства, какие понадобятся, — Максим Юрьевич сел за стол и пожал плечами, пытаясь корректно отказаться от написания записки.

— Нет, мне нужно съездить за ними в город. Пожалуйста, мне нужна ваша помощь.

Спустя пару минут, которые они провели в напряженном молчании, Максим Юрьевич кивнул и начал искать в тумбочке чистый лист. Витя улыбнулся и, поправив учебник, который норовил упасть, подошел ближе к мужчине.

— Спасибо, я перед вами в большом долгу. Запишите на субботу.

Покинув кабинет с запиской, Кравцов сразу же направился в библиотеку. Уже завтра ему предстоит вылазка в город, а до этого он должен еще успеть выяснить, как лечить корь во всех ее проявлениях, а после поговорить с Яном. Что бы там не сказал Шварц, Витя сделает все, что в его силах, чтобы тот не умер по своей же глупости.

В коридоре третьего этажа было прохладно и влажно. Витя задумался, хорошо ли здесь живет учителям. Хотя, вроде, никто не жаловался. Из комнаты вышла учительница биологии, старая дама, по-другому не назовешь, и кинула на Витю свой коронный оценивающий взгляд. Обычно так она рассматривала образцы на стеклышках в лаборатории: изучающе, со строгим прищуром и всей серьезностью. Витя чувствовал себя инфузорией тувельки под микроскопом. Старая дама хлопнула тяжелой деревянной дверью и попле-

лась к лестнице, убедившись, что ученик не собирается нарушать покой их пресвятой обители.

В библиотеке было пусто, так что Кравцов мог расслабиться, насколько у него это получится. Включив компьютер, он неуверенно набрал в поисковую строку «лечение кори» и начал по очереди просматривать все сайты, на которых давали рекомендации о лечении лишь на начальных стадиях. Это начало раздражать Кравцова, с каждой новой статьей он понимал, что шансы Яна на выздоровление минимальны. Но все же он должен попытаться. Витя выписал на листок все лекарства, которые нашел в электронном потоке информации, и решил пока оставить попытки стать врачом. Времени было не так много.

По пути к Шварцу Кравцов занес вещи в свою комнату, в которой Кир уже лежал на кровати и сопел, и, захватив листок с выписанными лекарствами, поторопился дальше.

Войдя в комнату Яна, Витя остолбенел, увидев сидящего рядом со Шварцев Кристиана. Оба они уставились на него в ответ и молчали, будто до его прихода секретничали. Кравцов раньше часто подмечал их сходство, разве что у Яна был нос с горбинкой и большие глаза, а черты лица Криса были более аккуратные. Можно было подумать, что они двойняшки, однако их семьи никак не были связаны, а Кристиан вообще перевелся в пансион только в 9 классе, в то время как Ян учился в ней с 1 класса. Но теперь Витя не находил сходств между ними: у Шварца распухло лицо, шея бы-

ла красной, и на лице тоже были редкие пятна, волосы были заплетены в тугой хвост. Витя не думал, что ему будет настолько трудно начать говорить, ведь шел сюда он достаточно уверенно. Кравцов медленно, почти на ватных ногах дошел до свободной кровати, в комнате на двух человек Ян жил один, и опустился на нее. Первым опомнился Кристиан. Он слабо улыбнулся и протянул руку Вите в знак приветствия, а тот пожал ее.

– Витенька, Ян плохо себя чувствует, и я пришел его навестить. Но уже ухожу, – Исаков развернулся на пятках и резво направился к выходу, – Не буду вам мешать.

Когда дверь захлопнулась, Ян выдохнул и повернулся к стене лицом, натягивая одеяло по шею. Он молчал и, видимо, даже не собирался говорить. Однако Витя должен был выяснить у него еще много всего, каждую мелочь, изучить каждое пятнышко. Он пересел на кровать Шварца и пихнул его в плечо, надеясь раззадорить парня, но не последовало никакой реакции. Витя прикусил губу и, положив листок на прикроватную тумбочку, начал искать в ней расческу Яна.

– Не копайся в моих вещах, – тихо проговорил Шварц.

Витя обернулся на Яна и хмыкнул, вытаскивая из ящика гребень.

– Ага, значит, говорить можешь! – Кравцов склонился над парнем и неуверенно коснулся короткого хвостика, стягивая с волос резинку, – Твои волосы похожи на стог сена, причем я даже не преувеличиваю. Я просто буду расчесывать тебя,

пока мы будем разговаривать.

– О чем?

– О твоём состоянии.

– Тогда я не буду говорить, – буркнул Ян и накрылся одеялом с головой.

– Послушай, я завтра поеду в город и привезу тебе лекарства, но мне нужно понять, насколько все серьезно! – Витя надеялся, что разговор выйдет спокойным, но снова начал заводиться.

Ян с самого начала был не в лучшем расположении духа. Он вскочил и уселся в позу лотоса, недовольно, даже с некой злостью смотря на Витю.

– Ты совсем ничего не понял?! – взорвался Шварц, – Никакого лекарства нет! Посмотри на меня, уже поздно пить пилюли из аптеки!

– И насколько поздно?

Ян поджал кровоточащие губы и опустил голову вниз, а затем замотал ей, отказываясь говорить. Витя схватил Шварца за плечи, хмуясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.